

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-222-237

УДК 821.161.1

**СЮЖЕТ ИНИЦИАЦИИ АЛЕКСЕЯ ТУРБИНА В РОМАНЕ
М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»***Г.М. Ибатуллина, М.М. Кривда*

Обоснование. Проблема функционирования архетипических сюжетов и связанных с ними образов и мотивов в художественной структуре романа М. Булгакова «Белая гвардия» остается практически неизученной в литературоведении. Это касается и эпизода встречи Алексея Турбина и Юлии Рейсс, в котором обнаруживается логика сюжета инициации, реализованная в тексте через систему фольклорно-сказочных и мифологических отсылок, требующих детального анализа и интерпретации.

Цель. Исследование образно-смысловой парадигмы сюжета инициации в истории знакомства Алексея Турбина и Юлии Рейсс является целью работы.

Материалы и методы. Материалом исследования служат эпизоды, представленные в десятой – тринадцатой главах романа. При этом анализируемые фрагменты рассматриваются с учетом художественно-смысловых контекстов произведения в целом. В процессе исследования использованы мифопоэтический, структурно-сопоставительный, системно-функциональный методы анализа текста.

Результаты. Результаты исследования показали, что в анализируемых фрагментах романа обнаруживаются параллели с системой мотивов волшебной сказки, связанных с архетипом инициации. В повествовательной логике эпизода выделяются основные этапы данного сюжета: уход // изоляция героя; испытания и искушения; символическая смерть; воскресение и преображение. Подобный же параллелизм выявляется в структуре хронотопа: Турбин, как и сказочно-мифологические герои, проходит инициацию в символи-

ческом иномирье, куда он перемещается из реально-эмпирического пространства. Ключевым в логике развития событий становится сказочный мотив бегства с рядом превращений героя и его «чудесным» спасением от преследования с помощью Юлии Рейсс. Турбин неоднократно переживает «встречи со смертью» как кульминационные этапы инициации, в финале сюжетной коллизии происходит возрождение и возвращение героя в реальный мир.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в курсах изучения русской литературы в вузе и школе.

Ключевые слова: М.А. Булгаков; «Белая гвардия»; архетип; инициация

ALEXEY TURBIN 'S INITIATION PLOT IN THE WHITE GUARD NOVEL BY M.A. BULGAKOV

G.M. Ibatullina, M.M. Krivda

Background. *The problem of the functioning of archetypal plots and related images and motifs in the artistic structure of the novel The White Guard by Mikhail Bulgakov remains practically unexplored in literary criticism. This also applies to the episode of the meeting between Alexei Turbin and Julia Reiss, in which the logic of the initiation plot is revealed, implemented in the text through a system of folklore-fairytale and mythological references that require detailed analysis and interpretation.*

Purpose. *The purpose of the article is to study the figurative and semantic paradigm of the initiation plot in the history of the acquaintance of Alexey Turbin and Julia Reiss.*

Materials and methods. *The material of the study is the episodes presented in Chapters 10–13 of the novel. At the same time, the analyzed fragments are considered taking into account the artistic and semantic contexts of the work as a whole. In the process of research, mythopoetic, structural-comparative, systemic-functional methods of text analysis were used.*

Results. *The results of the study showed that in the analyzed fragments of the novel detected parallels with the system of fairy tale motifs associated with the archetype of initiation. In the narrative logic of the episode, the main stages of this plot are highlighted: departure // isolation of the hero; trials and temptations; symbolic death; resurrection and transformation. A similar parallelism is revealed in the structure of the chronotope: Turbin, like fairy-tale end mythological heroes, undergoes initiation in a symbolic other world, where he moves from the real-empirical space. Pivotal to the logic of the development of events is the fabulous motive of flight with a number of transformations of the hero and his “miraculous” escape from persecution with the help of Julia Reiss. Turbin repeatedly experiences “meetings with death” as the culminating stages of initiation, in the finale of the plot collision there is a revival and the return of the hero to the real world.*

Practical implications. *The results of the study can be used in the courses of studying Russian literature at the university and school.*

Keywords: *M.A. Bulgakov; White Guard; archetype; initiation*

Введение

Актуальность. Мифопоэтические контексты в творчестве М.А. Булгакова, в том числе в романе «Белая гвардия», неоднократно были предметом пристального внимания исследователей. Ряд работ, посвященных мифологизированным принципам миромоделирования, библейским параллелям, роли символики в произведениях писателя, достаточно широк, см., например: [4; 6; 7; 8; 13; 14]. Вместе с тем проблема функционирования архетипических сюжетов и связанных с ними образов и мотивов в художественной структуре романа «Белая гвардия» остается недостаточно изученной, что определяет актуальность данной статьи.

Цель работы – исследование образно-смысловой парадигмы сюжета инициации в художественной системе романа М. Булгакова «Белая гвардия». Мы обратились здесь к анализу одной сюжетной коллизии произведения – истории знакомства Алексея Турбина и Юлии Рейсс. На наш взгляд, в основе этой коллизии отчетливо

обнаруживается логика археосюжета инициации (термин В.И. Тюпы: [11]), реализованная в повествовании через систему фольклорно-сказочных и мифологических отсылок, аллюзий, знаковых и символических деталей, в том числе связанных с пространственно-временной организацией текста.

Материалы и методы

Материалом исследования служат фрагменты романа М.А. Булгакова «Белая гвардия», изображающие кульминационные эпизоды в судьбе одного из главных героев произведения Алексея Турбина: бегство, ранение, встреча с Юлией Рейсс, болезнь. Эти эпизоды представлены в десятой – тринадцатой главах романа, которые стали непосредственным предметом исследования. Вместе с тем анализируемые сюжетные коллизии рассматриваются в образно-смысловых контекстах произведения в целом с учетом его общей художественной и смысловой проблематики. В процессе исследования использованы мифопоэтический, структурно-сопоставительный, системно-функциональный методы анализа текста.

Результаты и обсуждение

Архетип инициации, как известно, имеет не только ритуально-архаические корни, но и фольклорно-сказочные: согласно В.Я. Проппу, схема обрядов инициации определяет движение сюжета волшебной сказки [10, с. 112-437]. Эпизод бегства Алексея Турбина и встречи с Юлией Рейсс в изображении Булгакова буквально погружен в сказочную метафорику и органически вписан в мифологизированную парадигму романа в целом. Перипетийная структура эпизода также практически полностью коррелирует со схемой сюжета инициации, предполагающей четырехэтапное развитие событие (или трехэтапное, если вторую и третью фазы объединяют в одну, см.: [5, с. 544]): уход или изоляция героя; ряд испытаний и искушений; фаза символической смерти; возвращение в новом статусе, личностное воскресение и преображение [Там же]. Подобная же корреляция обнаруживается в структуре хронотопа: Турбин, как

и сказочно-мифологические герои, проходит инициацию в символическом иномирье, той «параллельной реальности», куда они попадают в результате ухода из «дома».

Следует отметить, что архетипическая логика развития событий живет в романе Булгакова в контрапунктных взаимоотражениях с логикой реалистического повествования, так что текст романа, разумеется, не превращается в сказку или миф: с точки зрения жанровой организации произведения, он представляет собой сложную диалогически сконструированную парадигму, в которой разные сюжетно-жанровые инварианты существуют в отношениях взаиморефлексии, что, на наш взгляд, можно считать одним из проявлений принципа художественной рефлексии, описанного нами в других работах, см., например: [2; 3].

Этапом исхода в анализируемом эпизоде романа можно считать уход Алексея Турбина из дома, наделенного в общем ассоциативно-символическом контексте произведения явными чертами мифологизированного хронотопа, что неоднократно отмечалось исследователями, см., например: [9; 15]. Покидая дом – олицетворение обжитого, «своего», защищенного пространства, – подобно герою волшебной сказки, Турбин оказывается во враждебном и «чужом» мире, где царят хаос и опасность. Отправка героя из дома – традиционная сказочная завязка, предвещающая превратности и беды, иногда само удаление из дома уже есть беда. Герой Булгакова, уйдя из дома и оказавшись во дворе мадам Анжу, интуитивно ощущает предвестие опасности: у Турбина «где-то под ложечкой томило и сосало предчувствие» [1, с. 174]; несмотря на это, герой продолжает путь. В плане реалистического повествования игнорирование подсказок собственной интуиции в дальнейшем приводит Турбина к целому ряду несчастий и катастроф. Однако, с точки зрения архетипической сюжетной логики, герой не игнорирует предчувствия, а, напротив, следует им: цель сюжета инициации состоит именно в том, чтобы встретиться с препятствиями и испытаниями, а не пытаться их миновать или обойти.

Повествование здесь насыщено целым рядом знаковых деталей с мифологизированной, в том числе и инфернальной, семантикой:

Турбин убегает *«по черному ходу* из магазина *неизвестно где находящейся и сладострастно пахнувшей* духами мадам Анжу» (курсивы здесь и далее принадлежат авторам статьи), по *«скользким ступеням»*, чувствуя себя *«заблудшим»* [Там же, с. 173]. Он блуждает подобно фольклорному герою, который заблудился в сказочном *«дремучем лесу»*, и одновременно подобно герою мифа, блуждающему в лабиринте. Знаковый характер в этом отношении приобретает детализированное, с реалистической точки зрения кажущееся даже избыточным, пространственное описание его пути во двор магазина Анжу; эта избыточная детализация в символическом контексте повествования воспринимается как аллюзийная отсылка к образу лабиринта: *«Турбин, больше не раздумывая, бросился вглубь магазина и по пути, по которому ушел Малышев, через маленькую дверь выбежал в темноватый коридор, а оттуда по черному ходу во двор»* [Там же, с. 138]. В сознании его актуализируется архетипическая оппозиция свой – чужой, знаковую окраску в контексте эпизода приобретает и образ *«преследователей»*, и мотив *«одиночества»*, и ряд других деталей, экспликация которых потребует более обширного исследования.

Сам магазин Анжу, где Турбин встречается с полковником Малышевым, предстает как переходный, гранично-промежуточный топос, как хронотоп междумирья, где в герое и его сознании происходят первые метаморфозы: *«Мысли в голове у Турбина сбились в бесформенную кучу, и некоторое время он совершенно бессмысленно смотрел туда, где исчез побритый полковник»* [Там же, с. 137]. *«Бесформенность»* и *«бессмысленность»*, так же как сумеречность, *«серенькие тени»*, амбивалентные – то багровые, то весело-красные – отблески пламени печи, – это знаки присутствия хтонических энергий, того иномирья, которое связано с недрами мифологического Хаоса и в которое перемещается герой волшебной сказки, покидая дом. Характерно, что мотив метаморфоз, происходящих в этом фронтальном топосе, связан не только с Турбиным, но и с Малышевым, который неоднократно уподобляется актеру, меняющему обличье. Именно здесь оба героя бросают в огонь погони как знаки их социальной

маркировки и принадлежности к реальному миру; здесь же Турбина «обожгла мысль: паспорт?» «Так и есть! Забыл, ах, это уже скандал. ... Шинель серая. *Спросят – кто? Доктор... а вот докажи-ка!*» [Там же, с. 139]. Символически герой Булгакова лишается не только социальной и профессиональной идентификации, вписывающей его в эмпирическую действительность, но и привычного ему экзистенциального и лично-бытийного статуса, что традиционно происходит и с героем сказки, который утрачивает все прежние свои характеристики и остается лишь «добрым молодцем». Даже если у фольклорного героя обозначена в редуцированной форме прежняя социальная маркировка – Иван-царевич или Иван-крестьянский сын, – на дальнейшее развитие событий она не оказывает никакого влияния.

Перемещение Турбина из реального пространства в мифологическое символически обозначено также образом *пустоты* – одним из синонимов Хаоса. Его путь в этой «инореальности», где он оказался после пребывания в междумирье магазина Анжу, начинается с того, что он «пересек пустыню» [Там же, с. 173]; улица, по которой он движется, оказывается «совершенно пуста»; «...ясно чувствовалось, что все управление *вымерло*» Герой начинает замечать, что мир вокруг меняется, его окружает не только пустота, но и неестественная тишина, он ощущает близость царства смерти. [Там же]. Актуализирована в тексте и знаковая для сюжетов *перехода* семантика ворот и дверей («Золотые ворота», «калитка, к великому удивлению Турбина, незапертая» [Там же], мифологизированные оппозиции верх – низ, черное – белое, свет – тьма и др.

Далее мы видим трансформацию хронотопа, который, в соответствии со структурой двупланового повествования, ориентированного и на достоверность, и на логику сказки // мифа, откровенно раздваивается: Алексеевский спуск в данном эпизоде романа – топос реальный, а Владимирская улица оказывается сказочно-мифологическим пространством. Отметим, что двуплановость хронотопа была проявлена и в предшествующих рассмотренных нами эпизодах, однако здесь она приобретает не только символический, но и конкретно-топографический смысл. Владимирская улица – место

пересечения Турбина со своими преследователями, которое одновременно становится для него аналогией сказочного перепутья, где совершается судьбоносный для героя выбор. «Нужно было бы Турбину повернуть сейчас от Золотых ворот влево по переулку <...>. Если бы сделал так Турбин, жизнь его пошла бы совсем по-иному, но вот Турбин так не сделал. <...> И, вместо того, чтобы свернуть, Турбин сделал десять лишних шагов и вышел на Владимирскую улицу» [Там же, с. 145]. Этот выбор определяет и дальнейший путь инициации героя, который идет навстречу испытаниям // искушениям, вплоть до испытания смертью.

Ключевым в логике развития инициационных событий становится сказочный мотив бегства с превращением и чудесным спасением от преследования. С изменением облика персонажа в волшебной сказке связана оппозиция истинный – преображенный. Происходит ряд превращений и с героем Булгакова: Турбин мысленно хочет «превратиться лезвие ножа» [Там же, с. 174], чтобы избавиться от преследователей; «затем Турбин почувствовал, что сам он обернулся в стрелу на Владимирской улице...» [Там же, с. 175]. И, наконец, спасаясь от погони, Турбин «превращается в мудрого волка» [Там же]; обращение людей в животных, как мы помним, – широко распространенный сказочный и мифологический мотив.

Зооморфная трансформация героя в повествовании неоднократно маркируется «волчьими» деталями: «по-волчьи обернувшись», «уже совершенно по-волчьи косил на бегу Турбин глазами», «скаля зубы» [Там же]. Волк как архетипический символ в мифе и фольклоре выполняет функции посредника между миром живых и миром мертвых. Турбин здесь уже явственно и в полной мере ощущает свою сопричастность «потустороннему» миру, оказываясь на грани жизни и смерти в буквальном смысле; по сути, эта граница становится в повествовании локусом пересечения реальности и мифа, «были» и «сказки». Аллюзийно возникают здесь отсылки к известной народной сказке «Иван-царевич и серый волк», где волк предстает не просто помощником, но и зооморфным двойником героя и где также сюжетно значим мотив бегства Ивана-царевича на «сером волке» по-

сле похищения Жар-птицы, коня и Елены Прекрасной. (Заметим, что с мифологемой волка, в том числе с образом волка-оборотня в культуре и искусстве связана и более обширная семантика, однако ее детальную экспликацию мы пока оставляем за рамками данной статьи).

Топография бегства Турбина от петлюровцев детализирована у Булгакова рядом пространственных деталей, олицетворяющих, как это бывает и в сказочном нарративе, множественные препятствия, встающие на пути перед героем. Сначала он бежал по Владимирской улице, затем «свернул на Мало-Провальную», которую автор называет «роковой» [Там же, с. 177] и «самой фантастической улицей в мире» [Там же, с. 176]. Здесь в судьбе Турбина происходит действительно «сверхъестественное» событие, совершается поистине сказочное чудо: оказавшись в результате погони в тупике («Дальше безнадежно: глухая запертая решетка, вон ворота громады заперты, вон заперто...» [Там же]) он неожиданно получает помощь от Юлии Рейсс, представшей в роли сказочной «спасительницы»: «И тут увидел ее в самый момент чуда, в черной мшистой стене, ограждавшей наглухо снежный узор деревьев в саду» [Там же]. «Турбин ... подбежал медленно к *спасительным* рукам и вслед за ними провалился в узкую щель калитки в деревянной черной стене» [Там же]. После встречи с Юлией герой вновь перемещается в другое пространство, тоже иномирное, где он видит «какой-то белый, сказочный многоярусный сад» и где «всё изменилось сразу» [Там же]. Сама героиня также воспринимается им как принадлежащая к некоему неведомому, таинственному миру: «Что за странный домик. Она одна. Кто такая? Спасла...» [Там же, с. 180].

Мифологема сада – один из традиционных фольклорных образов, в том числе он встречается в уже упомянутой сказке «Иван-царевич и серый волк». У Булгакова мы видим инверсию мотивов, связанных с данной мифологемой: если в сказке герой // волк похищает царевну из волшебного сада, Турбин находит спасение в зачарованном саду. Вместе с тем ряд деталей в булгаковском повествовании достаточно четко коррелирует со сказочным нарративом. Так, например, во многих сказочных и мифологических сюжетах, как и в романе Булгакова, волшебный сад – пространство героини, невесты // спасительницы //

царевны, и находится он за оградой. Сад для Юлии Рейсс – «свое», освоенное пространство, поэтому она свободно ориентируется в нем, для Турбина – это пространство «чужое», он не понимает, куда они бегут, сад для него похож на лабиринт: «Ишь, лабиринт... словно нарочно, – очень мутно подумал Турбин и оказался в белом саду, но уже где-то высоко и далеко от роковой Провальной» [Там же, с. 177]; «Тут такой лабиринт, что никто не отыщет следов. Мы пробежали три сада», – отвечает Юлия непроизнесенным словам-мыслям Турбина [1, с. 179]. «Сказочность» сада подчеркнута также тем, что символически он существует как бы вне времен года, здесь соседствуют сирени и снег, так что «белый сад» – это и деревья, покрытые снегом, и сад белых цветущих сиреней: «Увиделись расплывчато купы девственной и нетронутой сирени под снегом, дверь, стеклянный фонарь старинных сеней, занесенный снегом» [Там же, с. 177].

Чудесное спасение Турбина, как и в сказке, было бы невозможно без волшебных помощников, обладающих сверхъестественной силой. В.Я. Пропп выделяет следующие функции сказочного помощника: пространственное перемещение героя, ликвидация беды или недостачи, спасение от преследования, разрешение трудных задач и трансфигурация героя [10, с. 60-61]. Юлия Рейсс, выполняющая практически все эти функции, представлена у Булгакова не только как помощник и «даритель», но одновременно и в других архетипических ролях, которые мы уже называли выше: спасительница // царевна // невеста. Так, знаковыми для восприятия ее в роли невесты становятся слова самой Юлии о том, что она представит Турбина как своего мужа, если петлюровцы ворвутся в дом: «На случай, если все-таки появятся... Вы будете лежать, а я скажу, что вы мой муж больной...» [1, с. 179]. Характерно, что в русских волшебных сказках героиня, владеющая магическими силами, нередко является дочерью // внучкой или невестой врага героя. Юлия – любовница Шполянского, образ которого в романе окружен демонизированным ореолом. Соответственно, в анализируемой сюжетной коллизии Булгакова мы видим интеграцию двух инвариантных сказочных мотивов: добывания невесты и похищения невесты.

В логике повествования Булгакова обнаруживаются и существенные отклонения от архетипического канона, в том числе в структурных этапах инициации Турбина, для которого испытания после встречи с Юлией и совершившегося спасения, в отличие от фольклорной сказки, не завершаются благополучным финалом. Вторая и третья стадии инициации у Булгакова, с одной стороны, пролонгируются, с другой – интегрируются с последней фазой: воскресением // преображением. Героя ждут болезнь и новые «встречи со смертью», в том числе кульминационная, когда Алексей Турбин «стал умирать днем 22 декабря» [Там же, с. 236]. Отметим, что, в изображении Булгакова, эта сцена приобретает одновременно эмпирически объективный и сакрально-символический характер, так что мотив смерти оказывается смысловой точкой пересечения и взаимопроникновения двух реальностей – мифологизировано-сказочной и эмпирической. Вместе с тем Турбину предстоит и возрождение, и возвращение (как символическое, так и реальное возвращение домой к семье), и новая возможная встреча с возлюбленной.

Воскресение Турбина, «вымоленного» у Богородицы душевной жертвенностью Елены, полностью принадлежит уже не к фольклорно-языческому, а к сакрально-мистериальным сферам, чудо сказочное перерастает здесь в чудо жития и мистерии. Однако сюжетная схема волшебной сказки не утрачивает своей роли на завершающих этапах инициации героя Булгакова. Сказочного свадебного пира в финале романа мы не видим, но символическое обручение героев и возвращение к сказочной сюжетной логике состоялось: об этом свидетельствует сцена встречи Турбина и Юлии, где он надевает ей на руку «кованый и темный браслет», становящийся эмблематичным олицетворением их союза.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что повествование Булгакова резонирует с образно-смысловыми парадигмами сказки и мифа амбивалентно – отчасти прямо реконструируя их, отчасти модифицируя традиционные мотивные комплексы. Сказочная реальность становится многомерной и диалогически отрефлексированной логи-

кой реалистического нарратива, кроме того, сюжетная логика сказки живет в контрапунктных взаимоотражениях с логикой иных форм сакрального миропонимания – агиографических и мистериальных.

Сказка, житие и мистерия у Булгакова, в отличие от ортодоксальной религиозной культуры, не противоречат друг другу, а существуют как разные инварианты единого сакрально-символического культурного кода. Здесь закономерно встает вопрос о более развернутой экспликации образно-смысловых резонансов булгаковского текста с агиографической и мистериальной традицией, однако детальная реконструкция данной парадигматики остается для нас перспективой дальнейших исследований.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. М.: Ладомир, 2015. 824 с.
2. Валиева (Ибатуллина) Г.М. Рефлексия как основа образотворчества в системе чеховской прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 20 с.
3. Ибатуллина Г.М. Сквозь призму образа. М.; Берлин: Директ – Медиа, 2017. 320 с. URL:<https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=480158> (дата обращения: 25.04.2022).
4. Коханова В.А. Архетип женщины в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 159-166.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. Т. 1. 672 с.
6. Менглинова Л.Б. Апокалиптический конфликт в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Тюменского государственного университета. Humanitates. 2009. № 1. С. 137-144.
7. Нагина К.А. Контексты сада в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Михаил Булгаков, его время и мы. Krakow: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ, 2012. С. 197-212.
8. Орлова О.А. Эсхатологические мотивы в творчестве М.А. Булгакова: на примере романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 227 с.

9. Пояркова Н.А. Символика образа дома в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение, журналистика. 2003. № 7-8. С. 40-48.
10. Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
11. Тюпа В.И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву. Новосибирск, 1996. С. 16-23.
12. Федунина О.В. Система снов в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Челябинский гуманитарий. 2011. № 2 (15). С. 42-45.
13. Haber E.C. The Mythic Structure of Bulgakov's "The Master and Margarita" // "The Master and Margarita": A Critical Companion / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), 1996, pp. 164-171.
14. Lapidus R. The Transformation of Jewish Mysticism in Mikhail Bulgakov's "The White Guard". *Quaestio Rossica*, (1), 213-222. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.1.088>
15. Weeks L.D. Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov // "The Master and Margarita": A Critical Companion / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), 1996, pp. 143-163.

References

1. Bulgakov M.A. *Belaya gvardiya* [The White Guard]. Moscow: Ladomir, 2015, 824 p.
2. Valieva (Ibatullina) G.M. *Refleksiya kak osnova obrazotvorchestva v sisteme chekhovskoy prozy* [Reflection as the Basis of Image Creation in the System of Chekhov's Prose]. Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 1992, 20 p.
3. Ibatullina G.M. *Skvoz' prizmu obraza* [Through the Prism of the Image]. Moscow, Berlin, Direkt – Media Publ., 2017, 320 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=480158> (accessed April 25, 2022).
4. Kokhanova V.A. Arkhetip zhenshhiny v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvar-diya» [The archetype of a woman in M.A. Bulgakov's novel "The White Guard"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Mos-

- cow State Regional University. Series: Russian Philology], 2007, no. 2, pp. 159-166.
5. *Mify narodov mira. Ehntsiklopediya: V 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: In 2 volumes]. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya ehntsiklopediya, 1998, vol. 1, 672 p.
 6. Menglinova L.B. Apokalipticheskiy konflikt v romane M. Bulgakova «Belaya gvardiya» [The Apocalyptic Conflict in M. Bulgakov's novel "The White Guard"]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Humanitates* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanities], 2009, no. 1, pp. 137-144.
 7. Nagina K.A. Konteksty sada v romane M. Bulgakova «Belaya gvardiya» [Contexts of the garden in M. Bulgakov's novel "The White Guard"]. *Mikhail Bulgakov, ego vremya i my* [Mikhail Bulgakov, his Time and we]. Krakow: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ, 2012, pp. 197-212.
 8. Orlova O.A. *Eskhatologicheskie motivy v tvorchestve M.A. Bulgakova: na primere romanov «Belaya gvardiya» i «Master i Margarita»* [Eschatological motives in the works of M.A. Bulgakov: on the example of the novels "The White Guard" and "The Master and Margarita"]. PhD dissertation. Moscow, 2008, 227 p.
 9. Poyarkova N.A. Simvolika obraza doma v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [The symbolism of the image of the house in the novel by M.A. Bulgakov "The White Guard"]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Literary Studies, Journalism], 2003, no. 7-8, pp. 40-48.
 10. Propp V.YA. *Morfologiya <volshebnoy> skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Morphology of the <Magic> Fairy Tale. The Historical Roots of the Magic Fairy Tale]. Moscow: Labirint Publ., 1998, 512 p.
 11. Tyupa V.I. Fazy mirovogo arkeosyuzheta kak istoricheskoe yadro slovaryaya motivov [Phases of the World Archeoplot as the Historical Core of the Dictionary of Motifs]. *Materialy k «Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury»: ot syuzheta k motivu* [Materials for a "Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature": from Plot to Motif]. Novosibirsk, 1996, pp. 16-23.

12. Fedunina O.V. *Sistema snov v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya»* [The system of dreams in M.A. Bulgakov's novel "The White Guard": end-to-end motives]. *Chelyabinskij gumanitarij* [Chelyabinsk Humanities], 2011, no. 2(15), pp. 42-45.
13. Haber E.C. The Mythic Structure of Bulgakov's "The Master and Margarita". *"The Master and Margarita": A Critical Companion* / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), 1996, pp. 164-171.
14. Lapidus R. The Transformation of Jewish Mysticism in Mikhail Bulgakov's "The White Guard". *Quaestio Rossica*, (1), 213-222. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.1.088>
15. Weeks L.D. Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov. *"The Master and Margarita": A Critical Companion* / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), 1996, pp. 143-163.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ибатуллина Гузель Мртазовна, профессор кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, доктор филологических наук, доцент
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, 453116, Российская Федерация
guzel-anna@yandex.ru

Кривда Мария Михайловна, учитель русского языка и литературы
МАОУ СОШ № 30 города Тюмени им. Ф.Е. Федорова
ул. Мира, 14, г. Тюмень, Тюменская обл., 625025, Российская Федерация
79829361806@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Guzel M. Ibatullina, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Doctor of Philology, Associate Professor
Sterlitamak Branch of Bashkir State University

49 Prospect Lenina, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation

E-mail: guzel-anna@yandex.ru

SPIN-code: 1001-3010

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9016-760X>

Maria M. Krivda, Teacher of Russian Language and Literature
Secondary school № 30 of the city of Tyumen named after F.E. Fedorov
14, Mira Str., Tyumen, Tyumen region, 625025, Russian Federation
79829361806@yandex.ru

Поступила 10.05.2022

После рецензирования 03.06.2022

Принята 21.06.2022

Received 10.05.2022

Revised 03.06.2022

Accepted 21.06.2022